

Глава 1

Таких глаз ни у кого больше на белом свете не было. У такого цвета нет названия. Смотреть в них было до того страшно, что у меня немели кончики пальцев. Откуда-то возникало ощущение, что я становлюсь маленьким, точно микроб. Не знаю, что было сложнее: удерживать взгляд или наоборот — оторваться от заколдованных глаз. И что же это за цвет? Светло-зеленый с редкими янтарными вспышками... Казалось, что художник не дописал их, оставил незаконченными, и теперь они всегда смотрели чуть печально и тревожно. Будто эти крупные зрачки распиливали мою душу пополам. Я забывал свое имя и где я живу, стоило только ей взглянуть на меня из-под густых ресниц. Не скажу, что это сразу было любовью... Я без стеснений глядел на нее, как на внезапно разгоревшийся закат. Когда раздвигаешь шторы и вдруг замираешь в сладком волнении. Я забывал о том, что она всего лишь человек. Она была загадочным явлением. И оставалась им до тех пор, пока мы не заговорили. Ее кожа была до того бледной, что иногда казалась прозрачной, скулы вот-вот могли поранить ее до крови. Льянные вьющиеся пористые волосы, как дымка вокруг цветущей робинии, всегда пахли перетертыми травами. Светлая

и теплая, как солнце. Все в ее облике укрепляло за ней эти наивные слова. Если бы не взгляд... Если бы не ее прохладный взгляд, она бы называлась ангелом...

Я чувствовал, что она лучше, чем я. Даже если она в сотый рассказывала какую-то историю, мне казалось, что я слышу это впервые, по-новому, по-особенному. Как же я ее боялся... Точно она считывала мои мысли и выдавала острые шутки. Но даже резкий юмор из ее уст был моей любовью. Я боялся до нее дотронуться, чтоб случайно не обнаружить, что она — плод моего воображения. Я бы сто раз предпочел жить в прекрасной иллюзии и верить в то, что в несовершенном мире есть кусочек совершенства.

Ее руки всегда были теплыми, а прикосновения — нежными и деликатными, будто перышко, опустившиеся на землю. Сколько бы ни касался, никак не мог разгадать тайну ее волшебных рук. Хотя, должно быть, магия была не в руках, а в безграничной и чистой любви Кали трикс. У нее была способность любить все живое так, будто хватало на это сил. Оттого все и забывали, что она сама как никто нуждается в нежности и заботе... Люди видели в ней девушку красивую и чистую, приближались, чтобы коснуться того волшебства, что витало вокруг нее, источая запах персика и жасмина. Никто не боялся разбить этого хрустального эльфа, пока вдруг не послышался ледяной резкий стеклянный звон...

По правде сказать, ее никто не заслуживал. А я особенно... Но одна только мечта о ней согревала мою душу. Она делала глупости, и я влюблялся...

* * *

Калитрикс

Я ненавижу, когда опускается сырой туман. Когда прохлада обжигает ноздри, и становится тяжело дышать. Когда пальцы леденеют, и всюду мерещится запах тины.

То утро тоже выдалось не из приятных: прохлада быстро превратилась в отвратительный зной. В лесу было слякотно: мох как губка впитал дождевую воду и теперь издавал противные хрюкающие звуки при каждом моем шаге. Ботинки не промокали, но в них было чудовищно жарко и неудобно. Кожаный жакет уже едва не прилипал к плечам, как и нелепая белая майка в мелкий цветок. Но вряд ли существовало обстоятельство, позволяющее нам оставаться дома.

Я родилась в большой семье. Кто думает, что это очень круто, наверное, был бы прав, если бы семьи тут были обыкновенными: я имею в виду по крайней мере те, где можно говорить с родителями хоть каждый день. Я со своими не общалась уже почти четыре месяца. Родственные связи здесь не наделяют каким-то значением: мы словно большое стадо, где половина уже не помнит имена всех братьев и сестер. Не знаю, было ли так всегда, но мы живем не для себя...

Я могла бы сочинить для романа более милую и интересную систему, но не люблю приукрашивать, да и нет такого таланта. Я человек, а это значит, что лет через шестьдесят я умру и ничего здесь не оставлю. Мой клан принадлежит зимним эльфам. Быть на побегушках у таких долгожителей — то, что многие сочли бы за радость. Я же вообще перестала давать какие-то оценки происходящему. Я бы хотела жить иначе, но и не сказать, что чувствую себя несчастной.

День состоит из того, что мы совершаем обходы леса, перерабатываем кристаллы в пыль, да и просто выполняем самые глупые и самые мелкие желания эльфов. Однако, несмотря на то, как это жалко звучит, работа считается вполне почетной. Без перспективы роста, без возможности повысить статус, но... Учитывая, что бессмертные эльфы почти на вершине этой «пищевой цепи»,

а ближе нас у них буквально никого нет, я не в таком уж плохом положении: буквально чищу ковры, по которым ступают ноги великих, пока они обсуждают при мне сме- ну власти и привилегии Чистых. Это возможность узна- вать новости раньше, чем о них узнают маги и войны.

Что ж, время рассказать о той самой системе, в кото- рой я живу.

Люди смертные вроде меня здесь могут становиться воинами, прислужгой, охраной и прочим, чего только по- желают эльфийские сердца. Конечно, любая сказка не об- ходится без влияния социального и кровного статуса на то, как долго будет мучиться героиня, прежде чем выйти за принца. Не буду обнадеживать на исключение: ро- дившийся в семье лесничих и уборщиков чаще всего им и остается. В семье, где кругом одни солдаты, — научится держать лук и стрелы. Воины — каста страданий и само- пожертвования. По правде сказать, общаться с ними до- вольно тяжело: бедолаги упоминают Господа Бога чуть ли не в каждом предложении. Что неудивительно при том, как активно в их головы закачивается вера. Види- те ли, воины принадлежат себе даже в меньшей степе- ни, чем мы. Они ощущают это кожей, кровью: трудно, должно быть, жить с пониманием, что рожден для чужих капризов; вот только капризы эти — не лишний раз по- чищенная обувь и корзина еловых веток, перевязанных бордовой лентой (и, конечно, чтоб непременно пахли морозом), а убийства, вооруженные конфликты с сосед- ними эльфийскими кастами, развлекательные поединки и прочие кровавые развлечения и игры, ради которых эльф бы никогда не испачкал свои руки. Кровь воинов — это владения их хозяев.

Маги — высшая каста людей и низшая каста долго- жителей. Те, кем я восхищаюсь, кем хотела бы стать. Они могут родиться людьми, а позже обрести бессмертие

и возможность использовать магию. Среди них есть люди, которых судьба возвысила до полубожеств, а есть те, кого она жестко опустила: я имею в виду тех, что ранее были *Чистыми*.

Чистые — высшая каста света. Светлые бессмертные ангелы, которые не живут человеческой жизнью, лишены способности быть несчастными. Чистые живут в вечном служении Богам. Вечно счастливы, вечно прекрасны, вечная квинтэссенция доброты и самопожертвования. Да и выглядят весьма «чистенько»: что ни взглянешь на их компанию, так не сможешь оторваться от волшебных золотых кудрей и сияющей кожи. Они, конечно, похожи между собой, но все же разные...

Помню, еще в детстве встретила Чистого впервые, в лесу. Дорога была сухой и чистой, и всюду пахло солнцем и травами. В воздухе кружила пыльца, зависая желтым облаком над кривыми срезами пней; звонкий стук дятла на фоне мягкого хруста веток под ногами каждый раз останавливал меня, и я боялась сдвинуться с места, чтобы не прервать природной музыки. Солнце слепило глаза, и я сняла шнурованные ботинки. Ноги ощутили сухость прохладной земли и колкость шершавых камешков. Я дышала глубоко и нарочно очень медленно, представляя, как какой-то невидимый шарик хрустального воздуха катится по моему горлу, нежно и легко опускаясь куда-то в живот, и по телу пробегала щекотка. Теплые лучи целовали мой затылок, и я ускорила. Я бежала вперед, и свет играл со мной в прятки между рубиновокрасных стволов ароматных сосен. Я вдруг ощутила такое счастье, что чуть не задохнулась.

Он сидел на поляне, поглаживая мох руками. Его волосы были не кудрявыми, а гладкими и блестящими, уложенными чем-то влажным, приглаженными к затылку, а их цвет напоминал песочный. Его кожа была очень